

ностью заключить, что Гёте и русские студенты, по меньшей мере, хоть с виду знали друг друга» (стр. 348).

Любопытен и ряд приводимых П. Гофманом выдержек из «Лейпцигской летописи», подтверждающих некоторые даты, известные нам до сих пор лишь по русским источникам: это даты приезда студентов в Лейпциг, смерти А. Несвижского, Ф. Ушакова и др. По поводу занятий Радищева в университете автор с сожалением констатирует, что «не может сказать ничего нового» (стр. 346), так как архив юридического факультета Лейпцигского университета был разрушен в последнюю войну англо-американской авиацией.

П. Гофман упрекает советских исследователей в том, что, по существу, в последних работах о лейпцигском периоде жизни Радищева, имеющем, с его точки зрения, «исключительное значение для развития революционных идей, которых достиг в конце своей жизни Радищев», говорится не больше, чем в «Житии Ф. В. Ушакова» (стр. 337—338), и выражает пожелание, чтобы имеющиеся в архивах Советского Союза материалы по этой теме были опубликованы, так как это может дать ряд новых исходных точек для дальнейших исследований (стр. 348). Думается, что на это пожелание, как и на справедливые упреки, обращенные в адрес советских исследователей, полностью отвечают два труда, вышедших в 1956 году: книга Г. П. Макогоненко «Радищев и его время» и книга А. И. Старцева «Университетские годы Радищева».

В статье П. Гофмана есть ряд мелких неточностей. Подчеркивая значение лейпцигского периода в жизни Радищева, автор в подтверждение приводит следующую цитату из «Путешествия из Петербурга в Москву»: «Но когда сравню знания семинаристов с тем, что я имел случай по щастию моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащим к прошедшим столетиям» (ПСС, I, стр. 258), полагая, очевидно, что здесь Радищев говорит о годах своего учения в Лейпциге (стр. 337). В действительности эти слова принадлежат не самому Радищеву, а его литературному герою-семинаристу, который, естественно, в Лейпциге не учился и который под словами «наше училище» несомненно разумел семинарию, а не Лейпцигский университет.

Выясняя роль, которую сыграл преподаватель студентов Вицман во время бунта, когда он отправился в Петербург с письмами студентов, сообщавшими об их тяжелом положении, П. Гофман добавляет, что «вероятно, Вицман остался в Петербурге» (стр. 344). Очевидно, автору осталось неизвестным со-